

УДК 811.512.157*374
DOI 10.17223/18137083/57/18

Р. Н. Анисимов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

**Зооморфные компоненты
в составе фразеологизмов якутского языка,
характеризующих человека**

Впервые предпринимается попытка сравнительно-сопоставительного анализа фразеологических единиц якутского языка с родственными тюркскими языками. Автором привлекается языковой материал из тюркских языков Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский), которые относятся к северо-восточной группе тюркских языков. Сравниваются фразеологизмы из турецкого языка и древнетюркских письменных памятников. Тюркские фразеологизмы рассматриваются в сопоставлении фразеологических единиц якутского и турецкого языков, а также лексики тюркских языков Южной Сибири. Анализируется фразеосемантическое поле «качественно-оценочная характеристика человека» с зооморфными компонентами, которое репрезентируют оценочное описание внутренних свойств – душевных качеств, темперамента, внешности, возраста, жизненного опыта, способностей, социального положения, поведения и прочих качеств человека. Это поле организует фундаментальный культурный концепт *ЧЕЛОВЕК*, в котором отражается национальная картина мира, система наиболее общих миропредставлений носителей языков.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, соматизм, качественно-оценочная характеристика лица, оценочные фразеологизмы.

Фразеология в тюркском языкознании стала предметом изучения с 50-х г. XX в. в связи с необходимостью создания двуязычных и первых толковых словарей тюркских языков. Эта работа способствовала накоплению значительного фразеологического материала и началу фундаментальных исследований в области частных вопросов проблем тюркской фразеологии. Так, труды тюркологов С. К. Кенесбаева, С. Н. Муратова, Г. А. Байрамова, З. Г. Ураксина, Г. Х. Ахунзянова, Я. Ш. Хертек, М. Ф. Чернова, Н. С. Григорьева, А. Т. Тыбыковой, Т. Г. Боргояковой и др. внесли значительный вклад в изучение тюркской фразеологии.

Последние годы характеризуются появлением множества работ, посвященных разработке фразеологической теории тюркских языков, не отстает и фразеологи-

Анисимов Руслан Николаевич – научный сотрудник Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (ул. Кулаков-ского, 42, Якутск, 677000, Россия; terpoyakutia@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 4
© Р. Н. Анисимов, 2016

ческая компаративистика. Проведен целый ряд исследований, касающихся преимущественно сопоставительной фразеологии неродственных языков, проблем теории перевода и методики преподавания фразеологии как предмета обучения. Появляются также работы, посвященные проблемам сравнительной фразеологии родственных тюркских языков: теоретические проблемы фразеологии тюркских языков [Мирзалиева, 1995], соматическая фразеология тюркских языков Южной Сибири, казахского и киргизского языков [Николина, 2002], соматическая фразеология чувашского, татарского, башкирского и турецкого языков [Якимова, 2007], фразеология тюркских языков кыпчакской группы [Махмудова, 2009; Калыбаева, 2009], фразеология карлукской группы тюркских языков [Исаева, 2012].

Между тем для становления сравнительной фразеологии тюркских языков как самостоятельной научной дисциплины (фразеологическая компаративистика) необходимо разрабатывать системно-теоретическую основу и методологию.

Во фразеологизмах, как актуальных средствах «выражения этноязыкового сознания» [Алефиренко, 2008, с. 148], прослеживается четко выраженная антропоцентрическая направленность, вероятно потому, что средствами фразеологии язык характеризует, оценивает, экспрессивно отражает отношения между людьми и отношения человека к различным реалиям. Антропоцентрический подход в языкознании был разработан еще В. Гумбольдтом, полагавшим, что изучение языка подчинено «цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт, 1984, с. 383].

Одним из ключевых фрагментов фразеологической картины мира, отражающих исторически объективную действительность, окружающую носителя языка, дающих оценочное описание характерных, отличительных качеств, черт индивида, его особенностей и поступков, является фразеология с семантикой качественно-оценочной характеристики лица. Работы, посвященные фразеосемантическому полю «качественно-оценочная характеристика человека», в отечественном языкознании встречаются у нескольких исследователей [Гоголицына, 1979; Солодуб, 1985; Арсентьева, 1989; Чумакаев, 2006]. В тюркологической компаративистике и якутском языкознании это поле объектом теоретического осмысления ранее не являлось.

Важным при сопоставительных изысканиях фразеологической компаративистики «является описание наглядных различий в отборе слов-компонентов в качестве образной основы фразеологизмов» [Телия, 1996, с. 220]. Слова-компоненты выступают опорным словом всей фразеологической единицы (далее – ФЕ), своеобразным ассоциативным полем. Сохраняя почти без изменений свою первоначальную форму, фразеологические единицы в силу своей образности и выразительности могут отражать характерные признаки исторической эпохи, в которой они возникли. Фразеологическая система языка, в отличие от лексической, менее подвержена влиянию внешних факторов, она имеет более национальный характер, потому может стать надежным источником в решении конкретных задач по проблеме происхождения языка.

Сопоставительное изучение фразеологии якутского языка с родственными языками позволяет реконструировать общетюркский фразеологический фонд, уловить особенности формирования чувственно-образной модификации фразеологической картины мира. Для этого считаем необходимым выявить якутские лексические параллели слов-компонентов по отношению к тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским языкам, чтобы иметь возможность понять природу возникновения фразеологических параллелей в родственных языках, поскольку в якутском языке монгольская лексика по скромным подсчетам составляет 30 % [Широбокова, 2005, с. 62].

Цель данной статьи – установить лексические параллели слов-компонентов якутского языка с родственными языками, выявить их фразеосемантические ряды и фразеологические параллели, образующие фразеосемантическое поле «качественно-оценочная характеристика человека» в рассматриваемых тюркских языках.

Тюркские языки Южной Сибири (алтайский, хакасский, тувинский) являются наиболее близкими в генетическом отношении к якутскому языку, что обусловлено «вхождением их в совместную ареальную общность» [Шёниг, 2005, с. 33]. Также «чем шире круг привлекаемых языков, тем больше шансов на выявление как лингвистических, так и экстралингвистических тенденций» [Ройзензон Л. И., Ройзензон С. И., 1967, с. 112]. Потому для глубокого и адекватного понимания общих закономерностей исторического развития фразеологической системы тюркских языков необходимо привлечение материалов турецкой лексики, что для нашего случая позволит установить компоненты древнегузского языка, который считается одним из наиболее близких древних языков по отношению к якутскому [Васильев, 2012, с. 8].

Фразеологический материал с компонентами-зоонимами извлечен из лексикографических источников якутского [Емельянов, 1965; Кулаковский, 1979; Григорьев, 1974; Нелунов, 2002], алтайского [Чумакаев, 2005], хакасского [Боргоякова, 1996; ХРС], тувинского [Хертек, 1975], турецкого [Салахова, 1997; БТРС] языков.

Методом структурно-семантического моделирования [Мокиенко, 2000, с. 337] нами вычленяется обособленная группа ФЕ со значением качественно-оценочной характеристики лица, принадлежащих рассматриваемому концепту *ЧЕЛОВЕК*. Они репрезентируют оценочное описание внутренних свойств – душевных качеств, темперамента, внешности, возраста, жизненного опыта, способностей, социального положения, поведения и прочих качеств человека.

ФЕ с компонентом ‘медведь’ и ‘волк’

Смелого, храброго человека в якутском языке номинируют фразеологической единицей *эһэ-бөрө сүрэхтээх* – букв.: с сердцем медведя и волка [Емельянов, 1965, с. 81]; хак. *аба чүрөктүг* [Боргоякова, 1996, с. 14]; алт. *айу жүрөктү* – букв.: с медвежьим сердцем [Тюнтешева, 2006, с. 46]. В якутском и хакасском языках хищного зверя – медведя называют табуистическим переносом *эһэ* ‘дедушка’ и *аба* ‘отец, дед, старший родственник по мужской линии’, что связано с тотемистическим культом медведя, который характерен для сибирских народов [СИГТЯ, 1997, с. 159]. Алтайская лексема *айу* соотносится с общетюркским **адыг* ‘медведь’ [Там же], относимым Г. Г. Левиным к словам, не имеющим прямых соответствий по фоно-структурному признаку в якутском языке [Левин, 2013, с. 147]. Между тем Б. И. Татаринцев полагает, что *айы(э)* ~ *адыг* может быть связан гомогенно с *айгыр*, общетюркским названием жеребца, возводимым к глагольной основе с семантикой ‘возбуждаться’, ‘бесноваться’, ‘неистовствовать’ и, вероятно, ‘быть сильным и могучим’, характеризующим медведя как сильного, злого и большого зверя [Татаринцев, 2000, т. 1, с. 60]. Общетюркский **айгыр* сопоставим с якут. *атыыр* в том же значении [Убрятова, 1965].

Образ медведя в составе ФЕ в тюркских языках также передает эмоциональное состояние человека, состояние свирепости, суровости: *adiylaju aysun* ‘быть свирепым как медведь’ [ДТС, с. 10], в якутском эта семантика часто встречается в фольклорных сравнениях: *Юрюнг Уолантайы / хардаг эһэлии ханыытаата* ‘медведем матёрым заревел’ [Девушка богатырь..., 2011, с. 302].

Волк в тюркской культуре предстает символом мужественности, силы и стойкости. Почти во всех тюркских языках для обозначения волка используется обще-

тюркское слово **bö:ri*, кроме огузских языков, где присутствует другое название волка **ku:rt* [СИГТЯ, 1997, с. 160].

Как указано выше, в якутском языке храбрый, мужественный человек отождествляется с сердцем волка: *бөрө сүрэхтээх* – букв.: с сердцем волка [Емельянов, 1965, с. 81]. В тюркской картине мира стойкий человек должен иметь силу, как у волка, – *böri teg küči* [ДТС, с. 10].

Вместе с тем в якутской семантике образ волка имеет вербализацию негативной оценки: о человеке болтливом, разглашающем тайны, и о человеке, занимающемся кляузлами, жалобами, доносами, говорят *бөрө эмэхтэ* – букв.: зад волка [Нелунов, 2002, т. 1, с. 139].

Образ старого волка в якутском и турецком языках олицетворяет опытного, бывалого, видавшего виды человека: *кырдыбаҕас бөрө* [БТСЯЯ, 2008, т. 5, с. 326]; *eski kurt* – букв.: старый волк [Салахова, 1997, с. 43].

В тюркских языках волк метафоризируется в значении ‘сын’: *tilkümü toğdu azu bürümü* ‘лиса родилась или волк?’ [ДТС, с. 118]. Этот метафорический перенос наблюдается и в якутском языке. Название детеныша волка употребляется в отношении детей и подростков мужского пола, это ярко иллюстрирует ФЕ *бөрөм бөтөһө, баҕам батана* – букв.: мой волчий удалец, сабля, реализующая мои мечты [Егорова, 2010, с. 83].

ФЕ с компонентом ‘лиса’ и ‘заяц’

Во всех источниках лиса и заяц ассоциируются, соответственно, с хитрым и трусливым человеком. В тюркских языках лиса именуется **tilkü* [СИГТЯ, 1997, с. 161], только в якут. *саһыл*. Др.-тюрк. *йашыл* ‘зеленый’; шор. *сакыл* ‘белка’ [БТСЯЯ, 2011, т. 8, с. 304]. Этимология В. М. Надеяева: **d’auil* ‘желтый, зеленый’ [Щербак, 1961, с. 135].

Обращает на себя внимание тот факт, что общетюркское распространенное слово **tilkü* в значении ‘лиса’ в якутском языке отсутствует. Близкая по фоноструктуре лексема обнаруживается в академическом словаре Пекарского *талкы* ‘медведь’, используемая в «Нюйском улусе Иркутской губернии» [Пекарский, 1959, стб. 2540]. Как вариант, тюркологи **tilkü* производят от *tük* ‘пух’ (с метатезой **tük-lü*), считая, однако, эту версию сомнительной [СИГТЯ, 1997, с. 161].

Слово имеет довольно надежные алтайские параллели: тунг.-маньч. **tülэ* ‘медведь’, **tүлгэ* ‘волк’ [ССТМЯ, с. 181, 210]. Можно предположить, что якут. *талкы* ‘медведь’ был заимствован из тунгусо-маньчжурских языков вследствие взаимных контактов. Либо тут произошел внутренний семантический сдвиг **tilkü* ‘лиса’ → *талкы* ‘медведь’, как в случае *deve* ‘верблюд’ → *таба* ‘олень’. Как правило, у представителей огузских языков все гласные слов переходят в заднерядные: *tanru, taṅara, taṅara* [СИГТЯ, 2006, с. 327].

Лиса во всех тюркских языках, как и в других культурах мира, метафоризируется в хитрого человека: алт. *түлкү көс* [Чумакаев, 2005, с. 98]; тув. *дилги карактыг* [Хертек, 1975, с. 56]; хак. *түлгү харахтыг* – букв.: с лисьими глазами [ХРС, с. 691]. При описании хитрого человека в данных тюркских языках используется понятие *глаза*, а в якутском употребляется понятие *мозг*: якут. *саһыл мэйиһи* – букв.: лисий мозг [Нелунов, 2002, т. 2, с. 107].

Известно, что лиса отличается большой осторожностью и, в отличие от других зверей, редко попадает в ловушку. Наблюдаемое носителем языка данное поведение лисы эксплицирует характеристику очень осторожного человека: *кырса--саһыл оҕото* – букв.: детеныш лисицы или песца [Кулаковский, 1979, с. 143], *кырса* ‘песец’ ~ **karsak* ‘степная лисица’ [СИГТЯ, 1997, с. 161].

Сиводушчатую лисицу в якутском языке называют *кэрэмэс саһыл*. Ср. эвенк. *кэрэмриш* ‘сиводушка’ [БТСЯЯ, 2008, т. 5, с. 556]. **Кэрэмэс* в составе ФЕ орга-

низует как положительную, так и отрицательную оценку лица: о человеке, выделяющемся среди других своими положительными качествами, говорят *киһи киэнэ кэрэмэһэ* – букв.: лучший из сиводушек [Нелунов, 2002, т. 1, с. 223]. Про мошенника, ничего не признающего, нагло отрицающего свой неблагоприятный поступок, говорят *кэрэмэс саһыл мэлдьэбэ* – букв.: отпирательство лисицы-сиводушки.

В якутской культуре «отношение к лисе как к ценному пушному зверю появилось, скорее всего, на более позднем этапе общественного развития, с приходом русских, когда поднялся спрос на теплый и красивый мех» [Павлова, 1996, с. 168]. Стереотип ловкости и богатства закреплен в ФЕ *сатабыллаах саһыл сабалаах* – букв.: у ловкого, оборотистого человека воротник лисий [Кулаковский, 1979, с. 163].

В якутском языке для обозначения зайца имеется несколько слов. Это литературно устойчивое *куобах*, которое в составе ФЕ с соматизмом *сүрэх* фразеологизуется для характеристики трусливого, пугливого человека: *куобах сүрэх* – букв.: заячье сердце. Дialeктное *хотонох* распространено в говоре северных якутов (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Оленекский, Усть-Янский районы) [ДСЯЯ, с. 293]. Якут. *хотонох* возводится к общетюркскому *кодан, козан, койан* [Пекарский, 1959, стб. 3532], наличие этого слова в якутском языке говорит о древних якутско-кыпчакских контактах [Широбокова, 2005, с. 70]. Так, *хозан* участвует в фразеологизации в хакасском языке *хозан чүрек* – букв.: заячье сердце [Боргоякова, 1996, с. 108].

Другое название зайца *табысхаан (табышкаан)* в основном встречается в вилюйской и заречной группе диалектов якутского языка [ДСЯЯ, с. 233], характеризуется как старинное название зайца [Широбокова, 2005, с. 71]. Общетюркский **тавиан* в составе ФЕ встречается в огузской группе тюркских языков [Там же, с. 70], в тур. *tavşan uyrekli* – букв.: с заячьим сердцем [Салахова, 1997, с. 78].

Тувинский *койгун* ‘заяц’, как замечает Б. И. Татаринцев, не имеет прямых соответствий в других тюркских языках, и является специфичным для тувинского языка [Татаринцев, 2004, т. 3, с. 178], как и якут. *куобах*. Возможно, оба компонента образованы от глагольной основы: *койгун* от *хой-* ‘пугаться, шарахаться’, *куобах* от *куой-* ‘пугаться’; Ср. хак. *хобай* ‘торчать’, тув. *ковай* ‘приподниматься’ – букв.: торчащий (зверь), т. е. заяц [БТСЯЯ, 2007, т. 4, с. 483]. Тувинский *койгун* в составе ФЕ тоже организует характеристику трусливого, пугливого человека: *койгун чүректиг* – букв.: с заячьим сердцем.

ФЕ с компонентами ‘косуля’, ‘соболь’, ‘росомаха’, ‘рысь’, ‘белка’

Пушной зверь соболь в якутском языке обозначается общетюркской лексемой **киис ~ киш*. Соболь, как и лиса, у якутов особо почитаемый зверь, в быту шкура соболя высоко ценится, поэтому неудивительно, что соболь в составе ФЕ выступает для обозначения только положительного качества человека: *киһи киэнэ киһиһэ* – букв.: лучший из людей, отважный, смелый [БТСЯЯ, 2007, т. 4, с. 82].

В якутском языке встречается устойчивая фраза *эр бэрдэ, элик үтүөтэ* ‘молодец из молодцов, удалец из удалцов’, в которой интерес вызывает семантика компонента *элик*. Его первое значение ‘скорый, быстрый, проворный’. Второе значение слова в словаре Э. К. Пекарского – ‘чубарый олень’ [Пекарский, 1959, стб. 248]. В Диалектологическом словаре якутского языка зафиксировано значение ‘косуля’, встречающееся в Амгинском и Горном районах [ДСЯЯ, с. 319], аналогичное *туртас*. Слово *элик* в значении животного встречается в локальных эпических текстах и в других диалектах. Так, эта лексема присутствует в тексте олонхо «Өлбөт Бэргэн», записанного в Жулейском наслеге Ботурусского улуса (ныне Таттинского) Р. Александровым в 1886 г. [Дьүлэй нэһилиэгин олонхолоро, 2013, с. 7].

Слово *элик общетюркского происхождения. В «Опыте словаря тюркских наречий» В. В. Радлова мы находим элик ‘косуля’ [Радлов, 1893, с. 815], в тув. элик ‘косуля’ [ТРС, с. 441], в хак. элик ‘дикая коза’ [ХРС, с. 1055]. Щербак А. М. под элик подводит значение трех разновидностей млекопитающих: ‘дикая степная коза’, ‘косуля’, ‘антилопа’ [Щербак, 1961, с. 120]. Соответственно, якутский элик – это ‘чубарый олень’ и ‘косуля’, оба из семейства парнокопытных млекопитающих оленевых. Все животные, обозначаемые словом элик в тюркских языках, отличаются своей грациозностью, быстротой и проворностью. Можно предположить, что этот их объективный признак явился мотивационным основанием ФЕ эр бэрдэ, элик үтүөтэ для оценки молодого человека как «добротного молодца, удалого молодого».

В якутском языке для описания человека физически сильного, но малого ростом в составе ФЕ используется зооним ‘росомаха’ *сиэгэн* → *сиэгэн бөбө* – букв.: силен, как росомаха. Ср. монг. *зээх(эн)*, алт. *дьескен*, тув. *чекпе*, эвенк. *дееган* [БТСЯЯ, 2011, т. 8, с. 470]; тюркская праформа наименования росомахи – **д’эгэн* (**д’эгбэн*) [Щербак, 1961, с. 140].

Зоонимы *тиинг* ‘белка’ и *бэдэр* ‘рысь’ в якутском языке раскрывают тему умственных способностей человека. Так, при характеристике человека памятьвого, не забывчивого употребляют ФЕ *тиинг мэйиш* – букв.: беличья память. Как поясняет А. Г. Нелунов: «Белка обладает невероятной памятью: с августа начинает делать запасы грибов и шишек где попало, а затем в продолжении всей зимы эти запасы постепенно находит и питается» [Нелунов, 2002, т. 2, с. 186]. Так, народное наблюдение за поведением белки концептуализируется в образно-мотивационной основе данного ФЕ. Лексема *тиинг* ‘белка’ общетюркского происхождения от *tijin [Щербак, 1961, с. 142].

Также мозг рыси ассоциируется с умным, проницательным человеком *бэдэр мэйиш* – букв.: рысиный мозг [СИГТЯ, 1997, с. 159]. А якут. *бэдэр* ‘рысь’ обнаруживает параллель с письменно-монгольским *бэдэр ‘крапинки, пятна, полосы у животных’ и считается монголизмом [Попов, 2003, с. 157; Пекарский, 1959, стб. 419]. *Рысь* в тюркских языках обозначается лексемой **й:š-ek*; параллель в якут. *үүс*.

Орнитонимы

Общетюркский *kiš во всех источниках обозначает птицу, кроме якут. *кус ‘утка’. Птица в якут. – *көтөр*, представляет собой субстантивированное причастие на *-ар* от глагола **көт-* ‘летать, взлетать’. В составе ФЕ *кус* ‘утка’ характеризует трусливого, пугливого человека *кус сүрэх* – букв.: утиное сердце. Обнаруживается параллель с тем же значением в алт. *куш жүректү* – букв.: с птичьим сердцем. Якут. *кус* ‘утка’ используется также для описания физически ловкого, быстрого человека *кус быһый киһи* – букв.: человек с утиной быстротой. В хакасском фразеобразовании представлена физиологическая особенность человека: *хус уйгулыг* ‘с чутким сном человек’, букв.: человек, у которого сон, как у птицы [ХРС, с. 869].

В якутском языке орнитонимы во фразеобразовании участвуют в основном для передачи оценки умственных способностей субъекта. Так, *улар мэйиш* (букв.: глухаринный мозг) создает образ человека с мозгами глухаря, выражая значение ‘бестолковый, безмозглый’ [Кулаковский, 1979, с. 134]. Якут. *улар* ‘глухарь’ находит параллель с тюрк. *улар* ‘глухарь, тетерев’, монг. *улару* ‘глухой тетерев’ [Пекарский, 1959, стб. 2994].

Компонент-зооним *куба* ‘лебедь’ в якутском языке воссоздает бытовую модель представления о глупом, неумном человеке: *куба олоорон* – букв.: озерающийся по сторонам, словно лебедь [Кулаковский, 1979, с. 134]. Ср. тюрк. *куу*, *кубу* ‘ле-

бедь', *куба* 'бледный, сероватый' [БТСЯЯ, 2007, т. 4, с. 414]; пратюркская форма **kogu* [СИГТЯ, 2006, с. 171].

Орнитоним *онголо* 'кедровка' выделяет человека с феноменальной памятью: *онголо мэйиш* – букв.: память, как у кедровки. Ср. эвенк. *онгалган*, *онголо* 'кедровка' [БТСЯЯ, 2010, т. 7, с. 302].

Орнитонимы *туруйа* 'журавль' и *хабды* 'куропатка' в сочетании со словами, обозначающими части их тела, например сухожилие или крыло, моделируют в якутском языке в семантике ФЕ значение оценки физического состояния человека: *туруйа курдук тура иншир* 'высокий, сухопарый, но очень сильный человек', букв.: словно журавль – одни сухожилия; *хабды кыната* 'физически слабый человек', букв.: куропаткино крыло. *Хабды* в составе ФЕ также участвует в описании новорожденного мальчика *хабды сэһнэбэ* – букв.: объедки куропатки; ср. тюрк. *турна*, *торна*, *туруна* 'журавль'; пратюркская форма **durnja* [СИГТЯ, 2006, с. 171]. Этимология *хабды* неизвестна. В тюркских языках 'куропатка' *kā:kilik* или *budur*, *byldur*. Последнее аналогично якут. *былдьырыым*, *былдьырыым* 'бекас'.

О наличии соколиной охоты у древних якутов свидетельствует ФЕ с компонентами-орнитонимами *кыырт* 'ястреб' и *мохсобол* 'сокол': *ыытар кыырдым, тэбэр мохсоболум* – букв.: пускаемый мой кречет, бьющий мой сокол [Кулаковский, 1979, с. 137]. Так обычно отец может сказать о своем любимом сыне или патрон – о своем слуге. Якут. *кыырт* 'ястреб' восходит к общетюркскому **ka:rt-y-* [СИГТЯ, 2006, с. 169]. Этимология лексемы *мохсобол* 'сокол' не выяснена, прямых соответствий в тюркских языках не установлено. Ср.: *la:çun* 'сокол' (уйг., хак., тув., шор.) метафоризируется в значении 'молодец, храбрец'.

Компоненты-орнитонимы *тураах* 'ворона' и *суор* 'ворон' в составе ФЕ образуют оригинальные национально маркированные значения. Так, ФЕ *сана кэлбит тураах курдук* – букв.: подобно вороне, которая только прилетела, – характеризует хвастливого человека. Ср. бур. *турлааг*, эвенк. *тураакии* [БТСЯЯ, 2014, т. 11, с. 58]; ср. тюрк. **torugai* 'жаворонок'. Во всех тюркских источниках 'ворона' – **karga* [СИГТЯ, 2006, с. 176].

ФЕ *суор харабын сизбит киһи* 'рано просыпающийся и бодрствующий человек', букв.: съевший вороний глаз. Семантика этого ФЕ «основана на том поверье, будто человек, съевший глаз ворона, будет столь же мало спать, как и ворон» [Готовцева, 1994, с. 48]. Ср. монг. *сойр*, бур. *хойр*, башк. *хуйыр* 'глухарь'; казах. *суйар* 'тетерев'; калм. *сөөр* 'глухарь' [БТСЯЯ, 2012, т. 9, с. 148].

В хакасском языке в зоониме-орнитониме «ворон» актуализируется негативное индивидуальное качество человека – жадность, алчность: *хусхун харах* 'жадный, ненасытный человек', букв.: ворон-глаз [ХРС, с. 869].

При описании лица женского пола в составе ФЕ используются компоненты, более подходящие гендерному образу. ФЕ *үрүн дьуэ үрүмэчитэ, хара дьуэ харангаччыта* – букв.: белого дома бабочка, черного дома ласточка; со значением 'заботливая жена, хлопотливая хозяйка'. Эти сравнения и образы не только точно передают характерную для женщины пластику движений, но, несомненно, имеют психологическую основу [Габышева, 2009, с. 95]. *Харангаччы* 'ласточка', пратюркская форма **karlyg-aç* [СИГТЯ, 2006, с. 175]. Якут. *үрүмэччи* имеет два значения: 'бабочка' и 'обыкновенная летучая мышь'; ср. тюрк. *өрүмчэк*, *өрүмэнгэк*, *өрөмөкдөз* 'паук', бур. *үрмүш* 'летучая мышь' [Пекарский, 1959, стб. 419]. *Үрүмэччи* в значении 'летучая мышь' образует ФЕ, характеризующую человека непостоянного, любопытного, бестактно набрасывающегося на всякую новинку: *үрүгү көрбөтөх үрүмэччигэ дылы* – букв.: подобно летучей мыши, вдруг увидавшей белое. Во всех тюркских источниках летучая мышь – **jary-(sa)*; якут. *сарыы кынат* [СИГТЯ, 2006, с. 168].

Компонент *далбарай* ‘птенчик, пташечка’ в составе якутской ФЕ участвует в номинации оценки любимого, родного человека: *алтан түөстээх далбарайым оҕото!* ‘медногрудая пташечка моя!’ [Пекарский, 1959, стб. 670]. Якутская лексема *далбарай* считается заимствованием из монгольских языков [Попов, 2003, с. 160].

Орнитонимы *ураанай* ‘водяная курица, гагара’, *чаччыгыныар* ‘дрозд’, *кураҕаччы* ‘большой веретенник’ считаются собственно якутского происхождения. В составе ФЕ они организуют различные качественные характеристики лица с негативной коннотацией: *ууну көрбөтөх ураанайга дылы* ‘о любопытном, набрасывающемся на всякую новинку’, букв.: подобно водяной курице, давно не видавшей воды (и бросающейся в нее); *чаччыгыныар чаакаан саба чаптаах* ‘у дрозда хвастовство величиною с капкан’ – говорят о хвастливом человеке [Кулаковский, 1979, с. 199]; *дьиэрэн кураҕаччы санаалаах* ‘тот, кому дома не сидится, у кого нрав, как у вертлявого кулика’ [Пекарский, 1959, стб. 822].

ФЕ с компонентом ‘собака’

По наблюдениям А. Г. Нелунова, в якутском языке «почти все фразеологизмы, относящиеся к собаке, обозначают отрицательные признаки, предметы и действия» [Нелунов, 2009, с. 181]. Так, сравнение с мордой собаки используется для оценки подлого, бесчестного, низкого в нравственном отношении человека: якут. *ыт сирэй* – букв.: собачья морда [Там же, с. 385]; хак. *адай сырай* – букв.: с собачье лицо [Боргоякова, 1996, с. 14]. Состояние злости, ярости собаки переносится на эмоциональную характеристику человека: *ырдыгыныыр ыт* ‘человек, ведущий себя крайне нагло и грубо, хам’, букв.: ворчащая собака [Нелунов, 2002, т. 2, с. 380].

В основе ругательных выражений в отношении человека: *хара тыыннаах ыт* – букв.: черная (живая) собака [Там же, с. 352] и *түөрт харахтаах хара хааннаах хара ыт* – букв.: четырехглазая с черной кровью черная собака [Там же, с. 220], – возможно, лежит мифическое представление якутов о собаке, как прислужнике черного шамана, шаманском бесе-собаке [Ксенофонтов, 1992, с. 60].

Установлено, что фразеологизмы «фиксируют своей внутренней формой сцены из жизни животных, в которых определенное внутреннее состояние выражается позой животного» [Латина, 1991, с. 146]. Так, поза собаки, виляющей хвостом, обычно характеризует лживого человека: якут. *ыт курдук ньыланньыр* – букв.: как собака подхалимничает; тур. *köpek gibi kıvrılmak* – букв.: вилять хвостом, как собака [Салахова, 1997, с. 40].

Образ старой собаки в якутском сознании обозначает умудренного опытом, бывалого человека: *кырдыҕас ыт* – букв.: старый пес. Также в сознании этноса наличие собаки в хозяйстве – показатель благосостояния и достатка, так как собака в быту – охранник жилища, незаменимый помощник в охоте, по этнографическим данным в особых случаях собака вовсе могла отгонять злых духов [Попов, 1949, с. 263]. И напротив, отсутствие собаки служило для оценки разоренного и нищего человека, не имеющего никакого личного имущества, что легло в основу ФЕ *ыта да суох* – букв.: у него даже собаки нет [Нелунов, 2002, т. 2, с. 382].

ФЕ с компонентами ‘корова’, ‘бык’, ‘теленок’

В якутской культуре корова предстает образом смиренности, беззлобности. Образ человека, не испугивающего (не поднимающего) даже лежащей коровы, – *сытар ынабы туруорбат киһи* – характеристика тихого, смиренного, беззлобного человека [Кулаковский, 1979, с. 170]. Компаративная ФЕ *тарбаабыт ынах курдук* – букв.: словно корова, которую чешут, – тоже выражает оценочную ха-

рактистику человека, отличающегося невозмутимым характером, чрезмерно смиренного, тихого.

Аналогичную семантику образует компонент-зооним «бык». В якутском и турецком фразообразовании бык участвует для оценки простодушного, с простым характером человека: якут. *обус кутуругун курдук судургу киһи* – букв.: простой, подобно хвосту быка, человек; тур. *cennet öküzü* – букв.: райский бык.

ФЕ с компонентами ‘лошадь’, ‘жеребенок’

Лошадь в тюркской культуре предстает, как правило, символом силы, мощи и быстроты. Соответственно, зооним «лошадь» образует качественную оценку физических способностей человека: *ат бөбө* ‘очень сильный и быстрый человек’, букв.: человек с лошадиной силой [ТСЯЯ, 2004, с. 622]; тур. *at gibi güçlü* – букв.: сильный, как лошадь [БТРС, с. 73].

ФЕ с компонентом «жеребенок» организует сходное значение в якут. *уол оһо, ат кулун* ‘добрый молодец’, букв.: парень-жеребенок [Нелунов, 2002, т. 2, с. 262]; в хак. *хулун ит* ‘упругое молодое тело’, букв.: жеребячье тело [ХРС, с. 862]. Так, жеребенок выступает символическим образом молодости, юности. Более поздняя метафоризация значения: жеребенок → ‘резвый, жизнерадостный’ [СИГТЯ, 2006, с. 721].

Слова-компоненты названия домашних животных в якутском языке являются исконно тюркскими по происхождению: тюрк. *ит, ыт, эт, адай* [Пекарский, 1959, стб. 3838]; общетюркский *inäk* ‘корова’ [Щербак, 1961, с. 97]; др.-тюрк., тюрк. *өкүз, өзүз* ‘бык’ [БТСЯЯ, 2010, т. 7, с. 221]; общетюркский *ат; тюрк. *кулун* [Там же, с. 466]; общетюркский *кулун* ‘жеребенок от рождения до одного года’ [Щербак, 1961, с. 90].

Таким образом, установлено, что зооморфные компоненты в составе якутских ФЕ, организующих фундаментальное понятие «человек», исконно тюркского (80 %), монгольского (13 %) и тунгусо-маньчжурского происхождения (7 %).

Рассмотренный материал якутского и других тюркских языков выявляет следующие лексические параллели слов-компонентов и их фразеосемантические разряды.

- Выявлены слова-зоонимы в якутском языке, имеющие лексические параллели в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языках: 1) ‘рысь’ – якут. *сиэгэн*; тюрк. **д’эгэн*; монг. *зээх(эн)*; эвенк. *дееган*; 2) ‘глухарь’ – якут. *улар*; тюрк. *улар* ‘глухарь, тетерев’; монг. *улару* ‘глухой тетерев’; 3) ‘ворона’ – якут. *тураах*; бур. *турлааг*; эвенк. *тураакии*; тюрк. *torugai ‘жаворонок’; 4) ‘бабочка’, ‘летучая мышь’ *үрүмэчи*; бур. *үрмүше* ‘летучая мышь’; тюрк. *өрүмчэк, өрүмэнэк, өрөмөкдөй* ‘паук’. Однако из этих лексических параллелей в структуре ФЕ участвуют якутские слова-компоненты, которые создают фразеосемантические разряды, характеризующие концепт ЧЕЛОВЕК: ‘росомаха’ *сиэгэн* → ‘физически сильный’; ‘глухарь’ *улар* → ‘бестолковость, безмозглость’; ‘ворона’ *тураах* → ‘хвастовство’; ‘бабочка’ *үрүмэчи* → ‘заботливая жена’.

- Обнаружены слова-зоонимы в якутском языке, имеющие лексические параллели в тюркских языках, из них ряд компонентов входит в состав ФЕ, которые устанавливают фразеологические параллели со следующими фразеосемантическими разрядами, характеризующими концепт ЧЕЛОВЕК: ‘собака’ *ыт ~ адай ~ көрөк* → ‘подлость, бесчестность’ (якут.; хак.); ‘подхалимство, лесть’ (якут.; тур.); ‘медведь’ *эһэ ~ аба ~ айу* → ‘смелость, храбрость’ (якут.; хак.; алт.); ‘свирепость, суровость’ (якут.; алт.); ‘волк’ *бөри ~ бөрө ~ kurt* → ‘смелость, храбрость’ (тюрк.; якут.); ‘сын, наследник’ (тюрк.; якут.); ‘опытность, бывалость’ (якут.; тур.); ‘лиса’ *саһыл ~ түлкү ~ дилги ~ түлгү ~ tilki* → ‘хитрость’ (якут.; алт.; тув; хак.; тур.);

‘заяц’ *куобах* ~ *хозан* ~ *койгун* ~ *tavşan* → ‘трусливость, пугливость’ (якут.; тув.; хак.; тур.); ‘утка’ *кус*, ‘птица’ *куш* → ‘трусливость, пугливость’ (якут.; алт.); ‘бык’ *обус-өкүз* → ‘простодушие’ (якут.; тур.); ‘лошадь’ *ат* → ‘физическая сила’ (якут.; тур.); ‘жеребенок’ *кулун* → ‘молодость, юность’ (якут.; хак.).

Также выявлены фразеосемантические разряды, присущие якутскому фразеобразованию: *ыт* ‘собака’ → ‘злость, ярость’; ‘опытность, бывалость’; ‘разоренный, нищий’; ‘бездеятельность’; ‘расторопность’; *эһэ* ‘медведь’ → ‘мелочность, придирчивость’; *бөрө* ‘волк’ → ‘болтливость, доносительство’; *киис* ‘соболь’ → ‘смелость, отвага’, ‘лучший из лучших’; *элик* ‘косуля’ → ‘лучший из лучших’; *тиин* ‘белка’ → ‘памятливый, не забывчивый’; *кус* ‘утка’ → ‘физически быстрый’; *ынах* ‘корова’ → ‘смирность, беззлобность’ (якут.); *куба* ‘лебедь’ → ‘глупость, тупость’; *туруйа* ‘журавль’ → ‘высокий, сухопарый, сильный’; *кыырт* ‘ястреб’ → ‘любимый сын или слуга’; *хараначчы* ‘ласточка’ → ‘заботливая жена’.

• Выявлены слова-зоонимы в якутском языке, имеющие лексические параллели в монгольских языках и считающиеся монголизмами: *бэдэр* ‘рысь’, *үрүмэччи* ‘летучая мышь’, *далбарай* ‘птенчик, пташечка’. Эти монголизмы в составе ФЕ организуют следующие фразеосемантические разряды, характеризующие концепт ЧЕЛОВЕК: *бэдэр* ‘рысь’ → ‘умный, пронизательный’; *үрүмэччи* ‘летучая мышь’ → ‘непостоянство, любопытность, бестактность’; *далбарай* ‘птенчик, пташечка’ → ‘любимый, родной’.

• Установлены слова-зоонимы в якутском языке, имеющие лексические параллели в тунгусо-маньчурских языках и считающиеся возможными заимствованиями: *кэрэмэс* ‘сиводушка’ и *онголо* ‘кедровка’. Они в составе ФЕ организуют следующие фразеосемантические разряды: *кэрэмэс* ‘сиводушка’ → ‘лучший из лучших’, ‘мошенник’; *онголо* ‘кедровка’ → ‘феноменальная память’.

• Обнаружены якутские компоненты-зоонимы, наименования птиц (орнитонимы), не имеющие лексических параллелей в родственных языках: *хабды* ‘куропатка’, *мохсобол* ‘сокол’, *ураанай* ‘водяная курица, гагара’, *чаччыгыныар* ‘дрозд’, *курабаччы* ‘большой веретенник’. В составе ФЕ они организуют фразеосемантические разряды, характеризующие концепт ЧЕЛОВЕК: *хабды* ‘куропатка’ → ‘физически слабый’; *мохсобол* ‘сокол’ → ‘любимый сын или слуга’; *ураанай* ‘водяная курица, гагара’ → ‘любопытность, бестактность’; *чаччыгыныар* ‘дрозд’ → ‘хвастовство’; *курабаччы* ‘большой веретенник’ → ‘непостоянство, неусидчивость’.

Обнаруженное определенное количество идентичных фразеологизмов, совпадающих по значению и лексическому составу в якутском, турецком и тюркских языках Южной Сибири, свидетельствует о том, что фразеологическая система тюркских языков имеет общие древние корни.

Национально-специфичные фразеологические единицы якутского языка, не имеющие параллелей в родственных тюркских языках, закрепляют тезис о том, что формирование этих фразеологизмов протекало в состоянии изоляции от внешнеязыкового влияния.

Список литературы

Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Моногр. М.: Элпис, 2008. 271 с.

Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц: (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). Казань: Казань, 1989. 126 с.

Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Абакан: Изд-во Хакас. ун-та, 1996. 144 с.

- БТРС – Большой турецко-русский словарь / Сост. А. Н. Баскаков и др. 3-е изд. М.: Живой язык, 2006. 960 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 4: К. 672 с.; 2008. Т. 5: К. 616 с.; 2010. Т. 7: Нь, О, Ө, П. 519 с.; 2011. Т. 8: С (с – сөллөбөр). 572 с.; 2012. Т. 9: С (сөллөй – сээн), Һ. 572 с.; 2014. Т. 11: Т (төтөллөөх – тээтэннэ). 528 с.
- Васильев Ю. И.* Огузский компонент в якутском языке (фонетический и лексико-семантический аспект). Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. 357 с.
- Габышева Л. Л.* Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Гоголицына Н. Л.* Фразеологические единицы со значением качественной характеристики лица в русском языке в сопоставлении с английским: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1979. 198 с.
- Готовцева Л. М.* Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1994. 218 с.
- Григорьев Н. С.* О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. Казань, 1960. С. 165–177.
- Григорьев Н. С.* Саха тылын сомоҕо домоҕун тылдьыта (Фразеологический словарь якутского языка). Якутск: Кн. изд-во, 1974. 128 с.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Под ред. Г. В. Раишвили. М., 1984. 400 с.
- Девушка богатырь Джырыбына Джырылыатта / П. П. Ядрихинский-Бэдьээлэ; зап. со слов олонхосута П. Н. Дмитриев-Туутук. Якутск: Сайдам, 2011. 488 с.
- ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка / Отв. ред. П. С. Афанасьев, В. М. Надеяев. М.: Наука, 1976. 392 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Надеяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Егорова Л. И.* Культ волка в традиции саха. Якутск: Сфера, 2010. 120 с.
- Емельянов Н. В.* Якутские пословицы и поговорки. Якутск, 1965.
- Исаева Г. Р.* Фразеология карлукской группы тюркских языков (в сравнении с огузской и кыпчакской группой тюркских языков). Баку, 2012. 26 с.
- Калыбаева К. С.* Тюркская сравнительная фразеология. Алматы, 2009. 404 с.
- Ксенофонтов Г. В.* Шаманизм: Избр. тр. Якутск, 1992. 318 с.
- Кулаковский А. Е.* Научные труды / Подгот. к печ. Н. В. Емельянов, П. А. Слепцов. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Латина О. В.* Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: Коллективная моногр. М.: Наука, 1991. 214 с.
- Левин Г. Г.* Историческая связь якутского языка с древними тюркскими языками VII–IX вв. (В сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. 439 с.
- Мокиенко В. М.* О методологии сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии // *Rossica Olomucensia XXXVIII (za rok 1999)*. Univ. Palackého Olomouci v roce, 2000. С. 337–350.
- Махмудова Г. Ч.* Фразеология тюркских языков кыпчакской группы. Баку, 2009. 296 с.
- Мирзалиева М. М.* Теоретические проблемы фразеологии тюркских языков. Баку, 1995. 146 с.
- Нелунов А. Г.* Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН: Гео, 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.

- Нелунов А. Г.* Фразеологизмы с компонентом ЫТ 'СОБАКА' в якутском языке // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: Материалы конф. М.: Тезаурус, 2009. С. 181–183.
- Николина Е. В.* Соматические фразеологизмы, характеризующие человека, в тюркских языках Сибири и казахском: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 26 с.
- Павлова И. П.* Семантическая мотивация эвфемизмов животных в табуированной речи (на материале якутского языка) // Язык-миф-культура народов Сибири: Сб. науч. тр. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1996. С. 161–169.
- Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд., фотомеханич. М., 1959.
- Попов А. А.* Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. XI. С. 255–323.
- Попов Г. В.* Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (Сравнительно-историческое исследование). Якутск: Кн. изд-во, 1986. 148 с.
- Попов Г. В.* Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1: А–Дь. 180 с.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1: Гласные. СПб.: Тип. Импер. академ. наук, 1893. 1048 с. (2-е изд. фотомеханич. М.: Изд-во вост. лит., 1963).
- Ройзензон Л. И., Ройзензон С. И.* Некоторые соображения о сравнительном изучении фразеологии (на материале устойчивых компаративных оборотов восточных языков) // Вопросы фразеологии и грамматического строя языков. Ташкент: Самарканд. гос. ун-т, 1967. С. 110–114.
- Салахова Д. М.* Англо-русский и турецко-русский словарь фразеологических зоонимов. Türk Dünyası Araştırmaları. Vakfı. İstanbul, 1997. 102 с.
- СИГТЯ, 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 300 с.
- СИГТЯ, 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 908 с.
- Солодуб Ю. П.* Русская фразеология как объект сопоставительно-структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 32 с.
- ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1977. Т. 2. 992 с.
- Татаринцев Б. И.* Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 1: А, Б. 341 с.; 2004. Т. 3: К, Л. 440 с.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- ТРС – Тувинско-русский словарь / Сост. Э. Р. Тенишев. М.: Самиздат, 2008. 465 с.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1: А. 680 с.
- Тюнтешева Е. В.* Человек и его мир в зеркале фразеологии (На материале тюркских языков Сибири, казахского и киргизского). Новосибирск, 2006. 224 с.
- Убрятова Е. И.* К этимологии слова АЙҒЫР 'жеребец' // Вопросы тюркологии: Сб. к 75-летию К. К. Юдахина. Ташкент, 1965. С. 11–16.
- ХРС – Хакасско-русский словарь / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1115 с.
- Хертек Я. Ш.* Тувинско-русский фразеологический словарь / Сост. Я. Ш. Хертек. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1975. 165 с.
- Чумакаев А. Э.* Алтайско-русский фразеологический словарь / Сост. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2005. 312 с.

Чумакаев А. Э. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики и состояния лица в алтайском языке в сопоставлении с русским. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 167 с.

Шёниг К. О месте якутского языка среди тюркских языков // О. Н. Бётлингк и тюркское языкознание: Сб. науч. ст. Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2005. С. 31–34.

Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 268 с.

Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82–172.

Якимова Н. И. Соматические фразеологические единицы чувашского языка (опыт сравнительно-сопоставительного исследования с татарским, башкирским, турецким языками): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 25 с.

Дьүлэй нэһилиэгин олонхоло / Эппиэттиир ред. Н. И. Попова. Дьокуускай: ГЧуоААХНПИ, 2013. 266 с. (Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским).

Список использованных языков

Алт. – алтайский; **башк.** – башкирский; **бур.** – бурятский; **др.-тюрк.** – древнетюркский; **казах.** – казахский; **калм.** – калмыцкий; **монг.** – монгольский; **тув.** – тувинский; **тунг.-маньч.** – тунгусо-маньчжурский; **тур.** – турецкий; **тюрк.** – тюркский; **уйг.** – уйгурский; **хак.** – хакасский; **шор.** – шорский; **эвенк.** – эвенкийский; **якут.** – якутский.

R. N. Anisimov

*North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation; teployakutia@mail.ru*

Zoomorphic components in Yakut phraseological units describing a human

The paper attempts for the first time to make a comparative analysis of the Yakut phraseological units with related Turkic languages. The author uses the materials of Turkic languages of South Siberia (Altaic, Khakas, Tuvian) relating to north-eastern Turkic languages. Turkish phraseological units are also compared. Turkic phraseological units are considered as «Yakut language – Turkish language, Turkic languages of South Siberia». The author analyzes the phrase-semantic field – «qualitative-evaluative characteristic of human» with zoomorphic components, representing the appraisive description of inner qualities: moral virtues, temperament, appearance, age, experience, skills, social position, behavior etc. This field organizes basic cultural concept – the «HUMAN», reflecting the national worldview, the system of general ideas of the world of native speakers.

Keywords: phraseological unit, component, zoonyms, comparative analysis, Turkic languages, qualitative-evaluative characteristic of a face, appraisive phraseological units.

DOI 10.17223/18137083/57/18

References

Alefirenko N. F. *Frazeologiya v svete sovremennykh lingvisticheskikh paradigm* [Phraseology in light of modern linguistic paradigms]. Moscow, Elpis, 2008, 271 p.

Arsent'eva E. F. *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinits: (na materiale frazeologicheskikh edinits, semanticheski orientirovannykh na cheloveka v angliyskom i russkom yazykakh)*

- [Comparative analysis of phraseological units: (on a material of phraseological units, semantically-oriented to a person in English and Russian)]. Kazan', Izd. "Kazan'", 1989, 126 p.
- Borgoyakova T. G. *Kratkiy khakassko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Concise Khakass-Russian phraseological dictionary]. Abakan, Izd. KhGU, 1996, 144 p.
- Bol'shoy turetsko-russkiy slovar'* [Big Turkish-Russian dictionary]. Sost. Baskakov A. N. i dr. 3-e izd. Moscow, Zhivoy yazyk, 2006, 960 p.
- Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t.* [Big Yakut definition dictionary in 15 vols] P. A. Sleptsova (ed.). Novosibirsk, Nauka, 2007, vol. 4: K. 672 p.; 2008, vol. 5: K. 616 p.; 2010, vol. 7: N', O, Ø, P. 519 p.; 2011, vol. 8: S (s – sɵlɵʃɵr). 572 p.; 2012, vol. 9: S (sɵlley – seen), H. 572 s.; 2014, vol. 11: T (tɵtɵllɵekh – teeterne). 528 p.
- Chumakaev A. E. *Altaysko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Altai-Russian phraseological dictionary]. Gorno-Altaysk, Institute altaistici im. S. S. Surazakov, 2005, 312 p.
- Chumakaev A. E. *Frazeologicheskie edinitsy so znacheniem kachestvennoy kharak-teristiki i sostoyaniya litsa v altayskom yazyke v sopostavlenii s russkim* [Phraseological units with a value of qualitative characteristics, and condition of the person in the Altai language in comparison to Russian]. Novosibirsk, izd. SO RAN, 2006, 167 p.
- Gabyshva L. L. *Fol'klorny tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoy pamyati* [Folklore Text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 143 p.
- Gogolitsyna N. L. *Frazeologicheskie edinitsy so znacheniem kachestvennoy kharakteristiki litsa v russkom yazyke v sopostavlenii s angliyskim: Dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological units with qualitative characteristics of the face value in Russian language in comparison to English: Cand. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1979, 198 p.
- Gotovtseva L. M. *Frazeologicheskie edinitsy s somaticheskim komponentom yazyka sakha kak ob'ekt sopostavitel'nogo izucheniya: Dis. ... kand. filol. Nauk* [Phraseological units with a somatic component of the Sakha language as an object of comparative study: Cand. philol. sci. diss.]. Yakutsk, 1994, 218 p.
- Grigor'ev N. S. O nekotorykh voprosakh metodiki nauchnogo analiza frazeologicheskikh edinits yakutskogo yazyka [About some questions of scientific analysis methods of phraseological units in Yakut language]. *Problemy tyurkologii i istorii russkogo vostokovedeniya* [Problems of Turkish studies and Russian oriental studies]. Kazan', 1960, pp. 165–177.
- Gumbol'dt V. *Linguistics selectas*, 1984, 400 p. (*Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. G. V. Ramishvili (russ. ed.). Moscow, 1984, 400 p.
- Devushka bogatyr' Dzhyrybyna Dzhyrylyatta (P. P. Yadrinhinskiy-Bed'eele; zap. so slov olonkhosuta P. N. Dmitriev-Tuutuk)* [Girl athlete Dzhyrybyna Dzhyrylyatta (P. P. Yadrinhinsky-Bedeel; Rec. from the words of olonkhosut P. N. Tuutuk Dmitriev)]. Yakutsk, Saydam, 2011, 488 p.
- Dialektologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Dialect Yakut dictionary]. Afanas'ev P. S., Nadelyaev V. M. (eds). Moscow, Nauka, 1976, 392 p.
- Drevnyurykskiy slovar'* [Old Turkic dictionary]. Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds). Leningrad, Nauka, 1969, 676 p.
- D'yey nehiliagin olonkholoro* [Djulei Olonkhos]. Eppiettiir red. N. I. Popova. Yakutsk, GChuoAAKhNPI, 2013, 266 p. (Obraztsy narodnoy literatury yakutov sobrannye E. K. Pekarskim). [Patterns of Yakut national literature collected by E. K. Pekarsky].
- Egorova L. I. *Kul't volka v traditsii sakha* [Cult of wolf in Yakut tradition]. Yakutsk, Sfera, 2010, 120 p.
- Emel'yanov N. V. *Yakutskie poslovitsy i pogovorki* [Yakut proverbs and folksays]. Yakutsk, 1962, 112 p.
- Isaeva G. R. *Frazeologiya karlukskoy gruppy tyurkskikh yazykov (v sravnenii s oguzskoy i kypchakskoy gruppoy tyurkskikh yazykov)* [Phraseology of Karluk group of Turkic languages (in comparison with the Oguz and Kipchak group of Turkic languages)]. Baku, 2012, 26 p.
- Kalybaeva K. S. *Tyurkskaya sravnitel'naya frazeologiya* [Turkic comparative phraseology]. Almaty, 2009, 404 p.
- Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. O. V. Subrakova (ed.). Novosibirsk, Nauka, 2006, 1115 p.
- Khertek Ya. Sh. *Tuvinsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Tuvan-Russian phraseological dictionary]. Kyzyl, Tuv. kn. izd., 1975, 165 p.
- Ksenofontov G. V. *Shamanizm: Izbr. tr.* [Shamanism: Fav. works]. Yakutsk, 1992, 318 p.
- Kulakovskiy A. E. *Yakutskie poslovitsy i pogovorki* [Yakut proverbs and folksays]. Yakutsk, 1925, 122 p.

- Latina O. V. Idiomy i ekspressivnaya funktsiya yazyka [Idioms and language expressional function]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human factor in language: Language expressional mechanisms]. Moscow, Nauka, 1991, 214 p.
- Levin G. G. Istoricheskaya svyaz' yakutskogo yazyka s drevnimi tyurkskimi yazykami VII–IX vv. (V sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami) [Historic connection of Yakut language with Old Turkic languages of VII–IX c. (in comparative contrastive aspect with Eastern Turkic and Mongolian languages)]. Yakutsk, Izd. dom SVFU, 2013, 439 p.
- Mokienko V. M. *O metodologii sopostavitel'nogo issledovaniya russkoy i nemetskoy frazeologii* [About contrastive study methods of Russian and German phraseology]. *Rossica olomucensia XXXVIII (za rok 1999)*. Univ. Palackého Olomouci v roce, 2000, pp. 337–350.
- Makhmudova G. Ch. *Frazeologiya tyurkskikh yazykov kypchakskoy grupy* [Phraseology of Turkic languages of Kipchak group]. Baku, 2009, 296 p.
- Mirzalieva M. M. *Teoreticheskie problemy frazeologii tyurkskikh yazykov* [Theoretical problems phraseology of Turkic languages]. Baku, 1995, 146 p.
- Nelunov A. G. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk, 2002, vol. 1, 287 p.; vol. 2, 420 p.
- Nelunov A. G. Frazeologizmy s komponentom YT 'SOBAKA' v yakutskom yazyke [Phrases with the component yt "dog" in the Yakut language]. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie. Altaistika. Tyurkologiya: Materialy konf.* [Comparative and historical linguistics. Altaistics. Turkology: Conf. materials] Moscow, Tezaurus, 2009, pp. 181–183.
- Nikolina E. V. *Somaticheskie frazeologizmy, kharakterizuyushchie cheloveka, v tyurkskikh yazykakh Sibiri i kazakhskom: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Somatic idioms characterizing man in the Turkic languages of Siberia and the Kazakh: Abstract of cand. philol. diss.]. Novosibirsk, 2002, 26 p.
- Pavlova I. P. Semanticheskaya motivatsiya evfemizmov zhivotnykh v tabuirovan-noy rechi (na materiale yakutskogo yazyka) [Semantic motivation animal euphemism in taboo words (on the basis of Yakut language)]. *Yazyk-mif-kul'tura narodov Sibiri: Sbornik nauchnykh trudov*. [Language – myth – culture of Siberian people: collection of research papers]. Yakutsk, Izd. Yakut. univ., 1996, pp. 161–169.
- Pekarskiy E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka: V 3 t. 2-e izd* [Yakut dictionary in 3 vols, the 2nd ed.]. Moscow, 1959.
- Popov A. A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Vilyuyskogo okruga [Materials on the history of religion of Yakuts of the former Vilyui District]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. 1949, vol. 11, pp. 255–323.
- Popov G. V. *Slova "neizvestnogo proiskhozhdeniya" yakutskogo yazyka (Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie)* [Yakut cryptogenous words (Comparative historic study)]. Yakutsk, Kn. izd., 1986, 148 p.
- Popov G. V. *Etimologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut etymology dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 180 p. (Ch. 1: A–D').
- Radlov V. V. *Opyt slovary tyurkskikh narechiy. T. 1: Glasnye* [Experience of the dictionary of Turkic dialects. Vol. 1: The vowels]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1893, 1048 p. (2-e izd. fotomekhanich. M.: Izd. vost. lit., 1963).
- Royzenzon L. I., Royzenzon S. I. Nekotorye soobrazheniya o sravnitel'nom izuchenii frazeologii (na materiale ustoychivyykh komparativnykh oborotov vo-stochnyykh yazykov) [Some consideration about phraseology comparative study (on the basis of Eastern comparative chunk of languages)]. *Voprosy frazeologii i grammaticheskogo stroya yazykov* [Questions of phraseology and grammatical system of a languages]. Tashkent, Samarkand. gos. univ., 1967, pp. 110–114.
- Salakhova D. M. *Anglo-russkiy i turetsko-russkiy slovar' frazeologicheskikh zoonimov* [English-Russian and Turkish-Russian phraseological zoonym dictionary]. Türk Dünyası Araştırmaları. Vakfı, İstanbul, 1997, 102 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative historic grammar of Turkic languages. Lexis]. Moscow, Nauka, 1997, 300 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative historic grammar of Turkic languages. Pre-Turkic protolanguage]. E. R. Tenishev, A. V. Dybo (eds). Moscow, Nauka, 2006, 908 p.
- Solodub Yu. P. *Russkaya frazeologiya kak ob'ekt sopostavitel'no-strukturno-tipologicheskogo issledovaniya (na materiale frazeologizmov so znacheniem kachestvennoy otsenki litsa):*

- Avtoref. dis. ... dr. filol. nauk* [Russian phraseology as an object of comparative-structural-typological study (based on the phraseologisms with value of the qualified evaluation of a person): Abstract of doct. philol. diss.]. Moscow, 1985, 32 p.
- Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu* [Comparative Dictionary Tungus languages. Materials for the etymological dictionary]. Leningrad, Nauka, 1977, vol. 2, 992 p.
- Tatarintsev B. I. *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka* [Tuvian etymology dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 1: A, B. 341 p.; 2004, vol. 3: K, L. 440 p.
- Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekt* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspect]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1996, 288 p.
- Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka* [Yakut definition dictionary]. P. A. Sleptsova (ed.). Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1: A. 680 p.
- Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian Dictionary]. E. R. Tenishev (comp.). Moscow, Samizdat, 2008, 465 p.
- Tyuntseva E. V. *Chelovek i ego mir v zerkale frazeologii (na materiale tyurkskikh yazykov Sibiri, kazakhskogo i kirgizskogo)* [Human and his world in a mirror of phraseology (on the basis of Siberian Turkic, Kazakh, Kirghiz languages)]. Novosibirsk, 2006, 224 p.
- Ubryatova E. I. K etimologii slova АҮҒҮР 'zherebets' [On the etymology of word АҮҒҮР 'жеребец']. *Voprosy tyurkologii. Sbornik k 75-letiyu K. K. Yudakhina* [Turkic studies matters. Collection to K. K. Yudakhin 75th anniversary]. Tashkent, 1965, pp. 11–16.
- Shcherbak A. M. Nazvaniya domashnikh i dikikh zhivotnykh v tyurkskikh yazykakh [Domestic and wild animals names in Turkic languages]. *Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov* [Historic lexical evolution of Turkic languages]. Moscow, 1961, pp. 82–172.
- Shenig K. O meste yakutskogo yazyka sredi tyurkskikh yazykov [About Yakut language place in Turkic languages]. *O. N. Betlingk i tyurkskoe yazykoznanie: Sb. nauch. st.* [O. N. Byotlingk and Turkic linguistics]. Yakutsk, Izd. SO RAN, Yakut. filial, 2005, pp. 31–34.
- Shirobokova N. N. *Otnoshenie yakutskogo yazyka k tyurkskim yazykam Yuzhnoy Sibiri* [Yakut language attitude to Turkic languages of Southern Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 2005, 268 p.
- Vasil'ev Yu. I. *Oguzskiy komponent v yakutskom yazyke (foneticheskii i leksiko-semanticheskii aspekt)* [Oguz component in Yakut language: phonetic and lexical-semantic aspect]. Yakutsk, izd. dom SVFU, 2012, 357 p.
- Yakimova N. I. *Somaticheskie frazeologicheskie edinitsy chuvashskogo yazyka (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniya s tatarskim, bashkirskim, turetskim yazykami): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Somatic phraseological units of the Chuvash language (experience of comparative study Tatar, Bashkir, Turkish): Abstract of cand. philol. diss.]. Cheboksary, 2007, 25 p.